

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

УДК 821.161.1-2.07(477) «18/19»

ВАЛЕНТИНА МАЦАПУРА

(Полтава)

ПУШКИН НА УКРАИНСКОЙ СЦЕНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ И ИНСЦЕНИРОВКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПОЭТА

Ключові слова: переклад, п'єса, драма, драматургічна інтерпретація, інсценізація, переробка, автор, мотив, варіація.

Проблема бытования пушкинских произведений в украинской читательской среде в разные исторические периоды далеко не исчерпана. Она продолжает оставаться актуальной, несмотря на то, что к ней обращались такие известные литературоведы, как А.И. Белецкий, А.А. Назаревский, И.Я. Заславский, З.В. Кирилюк и многие другие. К недостаточно исследованным аспектам данной проблемы следует отнести вопросы, связанные с рецепцией драматических произведений Пушкина украинскими переводчиками, театральными деятелями, зрителями. Что из пушкинского наследия попадало на украинскую сцену в виде переводов, инсценировок, различного рода драматургических переделок? Данные вопросы и сегодня остаются открытыми, чем и обусловлен выбор темы работы. К анализу драматургических интерпретаций пушкинских произведений в Украине в конце XIX – начале XX века исследователи практически не обращались. Отчасти это объясняется тем, что они имеют архивный характер, хранятся в рукописных отделах Санкт-Петербургской Театральной библиотеки и Института рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского.

Известно, что подлинное значение, новаторский характер пушкинской драматургии в целом не были оценены по достоинству ни современниками поэта, ни его более близкими потомками. Осознание новаторских принципов создания характеров в «Борисе Годунове», «Русалке», в маленьких трагедиях приходило постепенно. Украинские переводчики начали переводить эти произведения только в конце XIX века. Так, Иван Франко перевёл «Бориса Годунова», маленькие трагедии, «Русалку» Пушкина. Над переводом трагедии «Борис Годунов» работал И. Стешенко, ему же принадлежит неопубликованный перевод «Скупого рыцаря». Известна драматургическая интерпретация драмы «Русалка», осуществлённая М. Садовским.

Каждый из переводов, несмотря на то, что все они восходят к одному и тому же источнику, имеет свою специфику. Обращаясь к драматическим произведениям Пушкина, украинские переводчики вступали в творческое соревнование друг с другом. Переводы М.П. Старицкого и И.М. Стешенко были опубликованы на страницах «Літературно-наукового вісника» в 1899 году. Перевод «Скупого рыцаря» И. Стешенко был известен И. Франко (поскольку находился в архиве писателя), но он дал свой вариант прочтения пушкинского текста.

К переводу незавершённой драмы Пушкина «Русалка» почти одновременно обратились М. Садовский и И. Франко. Выбор данного произведения для переводческих и драматургических интерпретаций был не случаен. Ярко выраженный народный колорит «Русалки», характеры из среды народа, связь с фольклором, а также место действия основных эпизодов (берег Днепра) – всё это привлекало внимание украинских интерпретаторов. Кроме того, пьеса А.С. Пушкина отвечала насущным потребностям развития украинской драматургии, остро нуждавшейся в таком репертуаре, который сумел бы заинтересовать публику. В связи с тем, что опубликованные переводы пушкинских произведений анализировались в исследовательской литературе, сосредоточив внимание на неопубликованных текстах, в частности на драматургической интерпретации пушкинской драмы М. Садовским.

Перевод «Русалки» М. Садовского, датированный 1910 годом, хранится в рукописном отделе Музея театрального, музыкального и киноискусства Украины, а также в рукописном отделе Санкт-Петербургской Театральной библиотеки. Сравнительный анализ данного перевода с оригиналом показал, что автор украинского текста «Русалки» значительно изменил текст первоисточника. Напрашивается вывод о том, что речь идёт не о переводе в точном смысле слова, а о переводческой интерпретации. Действительно, М. Садовский, как театральный деятель, задумав поставить пушкинскую пьесу на украинской сцене, обращался не только к драме Пушкина, но и к одноименной драматической опере А.С. Даргомыжского. Либретто оперы появилось в печати в 1876 году с таким указанием в её названии: «Сюжет заимствован из поэмы Пушкина, с сохранением многих его стихов» [18].

А.С. Даргомыжский, автор музыки и оперного либретто, сохранил значительную часть пушкинского текста, но при этом изменил некоторые детали текста, усилил роль и значение хора, дал имена героям. Напомню, что в драме Пушкина «Русалка» Мельник, его Дочь, Сват, Русалка и другие персонажи не имеют имён. В оперу было введено новое действующее лицо – подруга княгини Ольга (вместо Мамки в драме Пушкина), к шуточному хору девушек «Сватушка, сватушка» добавлен хор «Как во горнице-светлице» (также на подлинных народных слова), введены хоры крестьян и крестьянок в первом действии, досочинена финальная сцена. Эти и другие, более мелкие изменения, находим и в переводе М. Садовского. Безымянная героиня пушкинской драмы – дочь мельника – в его переводческой интерпретации названа Наталкой (у А. Даргомыжского – Наташей). Финальная часть произведения, как и в опере русского композитора, завершается описанием картины подводного царства, куда русалки увлекают

князя, в отличие от незавершённой пьесы Пушкина, в которой повествование обрывается на эпизоде встречи князя с русалочкой.

Посылая в 1910 г. свой перевод в цензурный комитет, М. Садовский указал в его названии имя А. Даргомыжского как автора музыки [19]. Драматургическая интерпретация М. Садовского заслуживает внимания в аспекте интересующей нас темы, поскольку и в основе оперного либретто, и в её основе – текст пушкинской драмы. Кроме того, переводческая интерпретация украинского драматурга имеет свои особенности, в ней заметны отличия и от оперного либретто, и от «Русалки» А.С. Пушкина. Например, пушкинская драма начинается с лаконичной ремарки: *«Берег Днепра. Мельница»* [14, т. 2, с. 300]. В драматургической интерпретации Садовского ремарки более конкретизированы, они написаны человеком, близким к театру, например: *«Берег Дніпра. Вдалині річка. Ліворуч від глядача водяний млин, біля його дуб, праворуч лавка. Наталка сидить, замислившись, на лавці, Мельник стоїть перед нею»* [15, с. 1]. В пушкинской драме Мельник – рассудителен, корыстолюбив. Эти черты характера данного персонажа подчёркивает и Франко в своём переводе. В переводе Садовского Мельник, кроме указанных черт, напоминает ворчливого украинского крестьянина. Его речь приближена к народной, разговорной, насыщена фразеологическими сочетаниями: *«От то-то й є, дівчата молоді ви. // Поглянеш – чортма толку в вас. // Уперті ви, і все одне і те ж тре // Товкти щоденно сотню раз»* [15, с. 1].

Стремление переводчика «украинизировать» пушкинскую «Русалку» сказалось в использовании не только языковых средств, в замене песен, которые поёт хор, но и в передаче отдельных мелких деталей. Например, в пушкинской драме и одноименной драматической опере князь дарит дочери Мельника ожерелье и повязку, украшенную с дорогими камнями, а в переводе М. Садовского – «дорогу стрічку» и «намисто», которые являются обязательными элементами костюма украинской девушки. Отдавая подарки дочери Мельника, Князь подчёркивает: *«На, візьми собі на спомин // Цей дівочий наш убір»* [15, с. 8].

В переводах М. Садовского и И.Я. Франко заметно стремление авторов перенести действие пушкинской «Русалки» на территорию Украины. В таком духе, очевидно, была истолкована пушкинская ремарка «Берег Днепра». И. Франко воспринял неоконченную драму А.С. Пушкина как одну из попыток «брать темы из украинской жизни и верований украинского народа» [16, с. 245]. Он смело вводит слова и обороты, свойственные украинскому языку, имеющие национальную окраску: *«коханчик» («милый друг»), «ви, тату» («ты...»), «здорові, пане мельник» («здорово, мельник»), «чівка» («повязка») и другие. Сравнительный анализ лексики пушкинской пьесы и перевода И. Франко в своё время осуществил Ф.М. Неборячок [13, с. 100–101]. Стремление И. Франко и М. Садовского «украинизировать» драму Пушкина «Русалка» было характерным для того времени. Особенность рассматриваемых переводов объясняется также тем, что они были адресованы украинскому читателю, зрителю.*

Однако подобное истолкование пушкинской пьесы противоречило замыслам писателя, поскольку украинская составляющая, в отличие от поэмы «Полтава» или стихотворения «Гусар», в ней практически не проявлена. «Ру-

салка» всецело построена на материале русской народной жизни, – считает Б.П. Городецкий [5, с. 310]. Сюжет её «взят из быта старой Руси», – утверждает С.Н. Дурьлин [7, с. 118].

В целом переводческая версия «Русалки» М. Садовского представляет собой синтез перевода и переделки по сравнению с оригиналом, поскольку она ориентирована на либретто оперы А.С. Даргомыжского. В ней усилена роль хора, она отличается конкретностью видения изображаемого. В «Русалке» Садовского сказался опыт украинского драматурга, режиссёра и актёра.

Еще один вариант переделки неоконченной пушкинской драмы – «Русалка» Е.Ф. Сагайдачного, «драматическая сказка», как указывает автор, «по Пушкину», разрешённая к представлению в 1915 году. В ней ещё ярче, чем у М. Садовского, наблюдается тенденция к украинизации оригинала. Сохраняя пушкинский сюжет, автор насыщает его новыми акцентами, а в некоторых случаях и достраивает. Так, он вводит новые персонажи, в частности образы Гандзи, подруги дочери мельника, и Дмитрия, крестьянина, который любит Наталью. Таким образом, пушкинский сюжет осложняется любовным треугольником. В пьесе доминирует прозаический текст. Вместо песен, которые поёт хор в пушкинской драме, Е.Ф. Сагайдачный даёт известные украинские песни «Ой у полі три доріжки різно», «Там де Ятрань круто в'ється», «Стелися барвінку низенько» и другие, указывая в ремарках: «Хлопці і дівчата співають» [17, с. 17]. Рассматриваемая пьеса интересна также в том плане, что в ней ярче, чем в других произведениях, написанных на сюжет пушкинской «Русалки», выражена идея неравенства. Этой идеей пронизаны монологи Гандзи и Дмитра. Например, подруга дочери Мельника рисует ей неутешительную картину её будущего: «...не будеш ти щаслива за паничем, тепер-то він тебе запевняє, що до віку не розлюбить, а побере-тись, то зовсім друге буде: він буде день і ніч гулять з панами, а ти сидітимеш самотньо в хоромах, як в тюрмі. Тебе пани не приймуть в свою компанію, бо ти мужичка...» [17, с. 3]. В таком же духе высказывается и Дмитро: «Тобі глибоко запало паню бути, тільки ти не будеш нею. <...> Полюбовницею ти будеш панича» [17, с. 11]. Подобные высказывания свидетельствуют о том, что автор переделки переносит действие в иное время и в иную среду. Несмотря на то, что в списке действующих лиц значится Князь, герои пьесы воспринимают его как «пана».

В конце XIX – начале XX века усиливается интерес к инсценировкам произведений А.С. Пушкина, что объяснялось как актуальностью творчества поэта, так и острой потребностью в репертуаре. Давнюю традицию на украинской сцене имела инсценировка пушкинской повести «Барышня-крестьянка». На это указывают авторы издания «Український драматичний театр. Нариси з історії» [24, с. 78]. В своё время её играли ещё в крепостнических театрах. Имеются документальные свидетельства того, что в 1898 году она была поставлена в Житомире. В Институте рукописей Национальной библиотеки Украины хранится драматургическая версия «Барышни-крестьянки» [2]. Судя по сохранившемуся тексту роли помещика Муромского, пьеса была переделкой одной из «Повестей Белкина», принадлежавшей водевилисту николаевской эпохи Н.А. Коровкину [см.: 24; с. 21, 78]. В 40-е годы XIX века она пользовалась успехом в столице, а в

последующие десятилетия ещё длительное время шла в провинции. Несмотря на то, что данная пьеса критиковалась в периодической печати, она представляет интерес как одна из форм адаптации известного произведения Пушкина к условиям сцены, благодаря которой оно обрело вторую жизнь. Сохраняя содержание повести «Барышня-крестьянка», автор инсценировки изменял жанровую природу произведения, усиливал водевильное начало. По сути, по тексту повести Пушкина был создан водевиль.

В начале XX века на киевской сцене была возобновлена инсценировка романа Пушкина «Евгений Онегин». В названии указывалось, что это «драматическое представление, переделанное из романа А.С. Пушкина К...ым с сохранением многих стихов его» [8]. Автор переделки князь Г.В. Кугушев сохранил ключевые эпизоды романа в стихах: письмо Татьяны, ответ Онегина, дуэль, встреча Онегина и Татьяны в Петербурге, отповедь героини. Однако всё, что он внёс в инсценировку от себя – «скрепы» отрывков из «Евгения Онегина» – в значительной степени уступало пушкинскому тексту. Несмотря на недостатки инсценировки, она всё же сыграла свою положительную роль в популяризации «Евгения Онегина». Страницы романа, переведенные на язык драматического искусства, продолжали нести высокий эстетический заряд в публику.

Постановка «Евгения Онегина» в Киеве в начале XX века прошла под лозунгом «детеатрализации». Приветствуя попытки раскрепостить от ходульной оперной амальгамы знаменитое творение А.С. Пушкина, театральный рецензент Вс. А. Чаговец высказал ряд замечаний по поводу инсценировки романа. При этом наиболее резкой критике подвергся эпизод, в котором «актер, изображающий Онегина, появляется на сцене в синей поддевке, в русской косоворотке, подпоясанной шелковым платочком <...>, в сапогах бутылками, в летнем белом картузе ...» [27].

Такое восприятие Онегина в сцене свидания с Татьяной явилось результатом свободного обращения с текстом романа, введения в него черновых редакций и вариантов, что и вызвало нарекания Вс. А. Чаговца. Немалую роль в подобной интерпретации сыграло также влияние духа времени, стремление упростить образ героя, приблизить его ко вкусам демократического зрителя. Театральный рецензент призвал создателей спектакля быть более внимательными к деталям пушкинского текста. Онегин в сцене свидания с Татьяной в саду видится ему в совершенно ином свете: «...байроническое одеяние и одно только оно могло создать надлежащее впечатление чего-то таинственного, мрачного, грозного, почти мистического» [27]. Такая интерпретация не противоречит характеристике Пушкина: «Блестящая взорами, Евгений // Стоит подобно грозной тени...» [14, т. 2, с. 60].

Среди инсценировок пушкинских произведений на Украине в конце XIX – начале XX веков на первом месте находится поэма «Полтава». В Санкт-Петербургской Театральной библиотеке находится более 30 пьес, созданных по мотивам пушкинской поэмы. В 1959 году на этот факт обратил внимание Б.И. Шнайдер. Однако исследователь ограничился краткой характеристикой исторических драм о прошлом Украины и не рассматривал вопросы о том, какую роль сыграла «Полтава» в их появлении, насколько сильным было влияние Пушкина на второстепенных

украинских драматургов, обратившихся к образу украинского гетмана. Между тем эти вопросы заслуживают дальнейшего изучения.

Пьесы под названием «Мазепа» К. Ванченко-Писанецкого (1891, 1898), А.И. Виламовой-Писанецкой (1893, 1907), К.П. Мирославского-Винникова (1894), А.Ф. Матусина-Калинникова (1899), Л.А. Теплинского (1909), Л.Я. Манько (1911), К. Карпатского (Золотарева) (1912), Е.Ф. Сагайдачного-Филиппова (1900,1910), В.И. Волкова (1913) и других авторов появились в тот период, когда украинские театральные труппы остро нуждались в репертуаре, ощущали потребность в произведениях на историческую тему. Здесь и пришел на помощь художественный опыт А.С. Пушкина в осмыслении прошлого Украины, в частности, характера гетмана Мазепы. Многие авторы не скрывали связи своих произведений с пушкинской «Полтавой». Имя поэта, как правило, указывалось в подзаголовках пьес [см.: 12; 4; 11; 20; 10; 30]. Однако и в тех случаях, когда драматурги не афишировали связь созданных ими переделок с поэмой А.С. Пушкина, влияние её ощутимо в разработке сюжета, характеров Мазепы, Кочубея, его жены и дочери. Например, воздействие пушкинской «Полтавы» сказалось в пьесе Т.П. Баранцева «Мотря Кочубей» (1894) [см.: 1].

Создатели пьес охотно использовали драматизированные эпизоды пушкинской «Полтавы». Из поэмы заимствовалась новеллистическая линия Мария – Мазепа, сюжетная основа в целом. Авторы некоторых драматических интерпретаций пушкинской поэмы включали в состав своих пьес украинские народные песни о Палее и Мазепе. Так, сюжетные линии «Кочубей – Мазепа», «Мазепа – Мария» связаны с повествованием о Палие в исторической пьесе К.П. Мирославского-Винникова «Мазепа» и в ряде других. Эта драма заслуживает более пристального внимания, поскольку именно она значится в театральных рецензиях, в очерках по истории украинского драматического театра, а её построение и трактовка характеров действующих лиц во многом дублировались в пьесах других авторов. Большинство драматургов повторяют структуру драмы К.П. Мирославского-Винникова и даже название отдельных картин: «Лукавый Гетман», «Донос царю Петру», «Запорожец Палей», «Замыслы Мазепы», «Казнь Кочубея», «Полтавский бой». На язык драмы, притом очень близко к пушкинскому тексту, были переложены отдельные эпизоды пушкинской поэмы, в частности те, в которых Кочубей изображён в темнице, мать и дочь – накануне его казни, сумасшедшая Мария в финале произведения и др. Трактовка образа Мазепы была традиционной для того времени. Характеристику ему, как изменнику, дают Кочубей, Палий, казак Василь Незбиенко, любящий дочь генерального судьи.

В художественном отношении пьеса К.П. Мирославского-Винникова не отличалась особой оригинальностью. Ей, как и другим подобным инсценировкам, свойствен мелодраматизм, компилятивность. Однако, судя по рецензиям, актёрам всё же удавалось передать сложность характера украинского гетмана и неоднозначность авторского отношения к нему, которые заложены в самой структуре пушкинской поэмы. Например, Л.М. Старицкая-Черняхивская, размышляя о связи «Мазепы» К.П. Мирославского-Винникова с пушкинской «Полтавой», при-

шла к заключению, что в постановках лучших украинских трупп гетман не был изображён ни «злодеем», ни «Иудой, бежавшим в страхе» [21].

Интерпретация «Полтавы» в многочисленных пьесах украинских авторов конца XIX, начала XX века не отличалась особой оригинальностью. Так, в рецензии на пьесу «Мазепа» Тугая (Потапенко), приведенную в «Літературно-науковому віснику», указывалось, что не было в ней ни новых ситуаций, ни хорошо обрисованных типов; автор чрезмерно использовал предыдущие пьесы на ту же тему: «...дещо перекладено від слова до слова з «Полтави» Пушкіна», чимало просто взято з незначними відмінами з української драми «Мазепа» д. Мирославського (особливо в перших трьох діях)» [26].

Оценки подобного рода можно распространить и на другие инсценировки и переделки, сюжетно и интертекстуально связанные с пушкинской «Полтавой». Сам факт появления пьес подобного рода и их количество объясняются определёнными причинами. Для украинской сцены были запрещены как переводы драматических произведений из других языков, так и оригинальные пьесы о прошлом Украины. Так, в 1876 году правительственным указом были запрещены украинские спектакли, а в 1892 году вышел указ, запрещающий цензорам допускать переводы русских авторов на украинский язык. На украинской сцене не разрешалось играть пьесы из прошлого Украины [см.: 23, с. 102]. О переделках в указах ничего не было сказано, поэтому они появляются в больших количествах. Имена второстепенных актёров иногда случайно попадали на театральные афиши. Не получив цензурного разрешения на постановку пьесы одного автора, труппа выставляла её под именем другого, близкая по содержанию пьеса которого уже была разрешена. Авторы украинских пьес о Мазепе, Марии, Кочубее охотно варьировали сюжетные и композиционные мотивы первой и второй песен поэмы, среди которых наиболее часто встречаются драматические сцены: ночная беседа между Марией (Мотроной) и гетманом, раздумья Кочубея в темнице, допрос его Орликом, появление матери у постели спящей Марии и др.

Драматургические интерпретации пушкинской «Полтавы» позволяли, хотя и в измененном виде, донести до украинского зрителя сведения о Северной войне, Полтавской битве, а также об исторических персонажах – Кочубее, Искре и гетмане Мазепе. Нет ничего удивительного в том, что пьесу Мирославского-Винникова играли театральные труппы М. Садовского, И. Карпенка-Карого, П. Саксаганского, Г. Деркача и др. Благодаря творческому подходу к исполнению ролей, психологическому проникновению в характеры героев недостатки пьесы смягчались. Есть основания полагать, что немалую роль в возобновлении интереса к поэме «Полтава» сыграла опера П.И. Чайковского «Мазепа» (1884), либретто которой написал В.П. Буренин по поэме Пушкина.

Судя по количеству пьес, созданных по мотивам пушкинской «Полтавы», можно утверждать, что данное произведение оставило заметный след в становлении украинского театра. Размышляя о роли поэмы Пушкина «Полтава» в развитии украинской культуры, Вс. Чаговец подчёркивает, что созданный поэтом образ Марии положил начало живым образам украинской драматургии Старицкого, Кропивницкого, Тобилевича [28, с. 72].

Обращение разных авторов к одним и тем же произведениям А.С. Пушкина говорит об их стремлении расширить жанровое, идейно-художественное своеобразие собственной литературы, повысить уровень мастерства, продемонстрировать возможности родного языка. Попытки подобного рода шли вразрез с бытовавшими некоторое время представлениями об украинской литературе как о литературе «для домашнего обихода», главенствующую роль в которой должны играть бытовые и фольклорные темы. «Ищут в другой литературе и берут у неё прежде всего то, чего нет у себя», – писал А.С. Бушмин [3, с. 49].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баранцев Т. П. Мотря Кочубей : истор. драма в 5 дях / Т. П. Баранцев // Отдел рукописей Санкт-Петербургской Театральной библиотеки. – 1894. – № 24407. – 16 л.
2. Барышня-крестьянка // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. – Ф. I. – № 3228. – 8 л.
3. Бушмин А. С. Преемственность в развитии литературы / А. С. Бушмин. – Л. : Наука, 1975. – 275 с.
4. Волков В. Мазепа : истор. картина з співами, хорами і танцями (по Пушкіну) / В. Волков // ОР Санкт-Петербургской Театральной библиотеки. – 1913. – № 23650. – 58 л.
5. Городецкий Б. П. Драматургия Пушкина / Б. П. Городецкий ; ред. П. М. Берков. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – 359 с.
6. Даргомыжский А. Русалка : оперное либретто / А. Даргомыжский. – М. ; Л. : Гос. муз. ис-во, 1952. – 64 с.
7. Дурылин С. Пушкин на сцене / С. Дурылин. – М. : Изд. АН СССР, 1951. – 277 с.
8. «Евгений Онегин» : драматическое представление в 3-х действиях, переделанное из романа А. С. Пушкина К...ым. – Конец XIX – нач. XX вв. // Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского. – Ф. I. – № 2104. – 56 л.
9. Левин Ю. Д. К вопросу о переводной множественности / Ю. Д. Левин // Классическое наследие и современность / отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л., 1981. – С. 365–372.
10. Манько Л. Я. Мазепа : истор. пьеса в 5 действиях (по Пушкину) / Л. Я. Манько // ОР Санкт-Петербургской Театральной библиотеки. – 1911. – № 38330. – 60 л.
11. Матусин-Калинников А. Ф. Мазепа : истор. картина в 6 действиях. (Текст отчасти заимствован из поэмы Пушкина «Полтава») / А. Ф. Матусин-Калинников // ОР Санкт-Петербургской Театральной библиотеки. – 1899. – № 44587. – 29 л.
12. Мирославский-Винников К. П. Мазепа : истор. картина в 6 действиях. (Текст отчасти заимствован из поэмы Пушкина) / К. П. Мирославский-Винников // ОР Санкт-Петербургской Театральной библиотеки. – 1894. – № 33327. – 100 с.
13. Неборячок Ф. М. О. С. Пушкін українською мовою / Ф. М. Неборячок. – Львів : Вид-во Львівського ун-ту, 1958. – 206 с.
14. Пушкин А. С. Избранные сочинения : в 2 т. / А. С. Пушкин ; сост. Г. Макогоненко. – М. : Худож. лит., 1978.
15. Пушкін. Русалка. Переклад М. Садовського // Отдел рукописей МТМК Украины, архив Садовского М. – 1910. – № 692. – 31 л.
16. Пушкін Александер С. Драматичні твори / в перекладі, з передмовою та поясненнями І. Франка / А. С. Пушкін. – Львів : Накл. «Всесвітньої бібліотеки», 1914. – 249 с.
17. Русалка: Драматическая сказка (по А. С. Пушкину) / перевод Е. Ф. Сагайдачного // ОР Санкт-Петербургской Театральной библиотеки – 1915. – № 58616. – 54 л.
18. Русалка : драматическая опера в 4-х действиях. Сюжет заимствован из поэмы А. С. Пушкина с сохранением многих его стихов. Муз. А. С. Даргомыжского. – СПб. : Тип. Б. С. Балашева, 1876. – 76 с.
19. Русалка : драматична опера в 4-х дях. Муз. Даргомижського О. Текст переклав М. Садовський // ОР Санкт-Петербургской Театральной библиотеки. – 1910. – № 74348.

20. Сагайдачний-Филиппов Е. Ф. Мазепа : истор. пьеса по поэме Пушкина «Полтава» / Е. Ф. Сагайдачный-Филиппов // ОР Санкт-Петербургской Театральной библиотеки. – 1910. – №41484. – 55 л.
21. Старицька-Черняхівська Л. М. Двадцять п'ять років українського театру : спогади та думки / Л. М. Старицька-Черняхівська // Україна. – 1907. – Т. 6. – С. 308.
22. Столпянский П. Произведения Пушкина и их переделки на петербургской сцене в николаевскую эпоху / П. Столпянский // А. С. Пушкин : Изд-во журнала «Русский библиофил». – СПб. : Типогр. Сириус, 1911. – Кн. 5. – С. 72–81.
23. Spektator (С. Єфремов). З російської України (Генезис українського театру...) / Spektator (С. Єфремов) // Літературно-науковий вісник. – 1899. – № 2. – С. 93–105.
24. Український драматичний театр : нариси з історії : у 2 т. / відпов. ред. М. Т. Рильський. – К. : Наук. думка, 1967. – Т. 1. – 519 с
25. Ф-ни. Александринский театр // Северная пчела. – 1839. – 25 мая (№ 114). – С. 1–3.
26. Хроніка і бібліографія // Літературно-науковий вісник. – 1899. – Кн. 2. – С. 136.
27. Ча-ц Вс. (Чаговец Вс.). На пути к раскрепощению / К постановке «Евгения Онегина» // ОР ЦНБ АН Украины. – Ф. І. – № 2104. – 1 л.
28. Чаговец Вс. Життя і сцена. Нариси про майстрів театру / Вс. Чаговец. – К. : Держ. вид-во образотворчого мист-ва і музичної літератури, 1956. – 210 с.
29. Шнайдер Б. Г. Трагедія «Сава Чалий» Карпенка-Карого і українська історична драма XIX ст. / Б. Г. Шнайдер. – К. : Вид-во АН УРСР, 1959. – 275 с.
30. Яр-Фортуна Мазепа : п'еса в 6 одмінах, з співами і танцями. (За поемою Пушкіна «Полтава») // ОР Санкт-Петербургской Театральной библиотеки. – 1909. – № 43622. – 53 л.

ВАЛЕНТИНА МАЦАПУРА

ПУШКИН НА УКРАИНСКОЙ СЦЕНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ И ИНСЦЕНИРОВКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПОЭТА

В статье анализируются драматургические интерпретации пушкинских произведений в Украине, созданные в конце XIX – начале XX века. Автор статьи использует архивные материалы, хранящиеся в рукописных отделах Петербургской Театральной библиотеки и Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского, в частности, рассматривает переделки пушкинской «Русалки» М. Садовского, Е. Сагайдачного, инсценировки повести «Барышня-крестьянка» и романа «Евгений Онегин». Особое внимание уделяется пьесам, созданным по мотивам поэмы Пушкина «Полтава».

Ключевые слова: перевод, пьеса, драма, драматургическая интерпретация, инсценировка, переделка, автор, мотив, вариация.

VALENTINA MATSAPURA

PUSHKIN ON THE UKRAINIAN STAGE AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY: UNPUBLISHED TRANSLATIONS AND DRAMATIC INTERPRETATIONS OF POET'S WORKS

In the following article dramatic interpretations of Pushkin's works in Ukraine at the end of the XIX – beginning of the XX century are analyzed. The author of the article uses archival documents kept in manuscript departments of The Saint Petersburg Theatrical Library and The Vernadsky National library of Ukraine. In particular, the author examines adaptations of Pushkin's Mermaid by M. Sadovsky and Ye. Sagaydachny, stage versions of the story The Squire's Daughter and the novel Eugene Onegin. The special attention is paid to those plays which are based on the motives of Pushkin's poem Poltava.

Key words: translation, play, drama, dramatic interpretation, stage version, alteration, author, motif, variation.

Одержано 31.03.2014 р.